

Миниатюры

Владимир Некрасов

Старик

Смерть любит стариков. Один из них сидит у подъезда на лавке и ошалело взирает на прохожих.

– Опять напился, алкаш... – незлобно ворчит соседка, вынося мусорное ведро.

Полвека назад он был лихим забиякой. Маленький, с тех пор он не вырос, волосы всегда ёршиком, а сейчас – седые, он вызывающе смотрит в глаза каждого проходящего мимо человека. Гиблая среда фабрично-заводского городка так и не сумела убить этот нахальный взгляд хищника.

Он живёт один в запущенной хрущёвке. Жена давно куда-то делась, а сын повесился в прошлом году.

Старик целыми днями сидит у подъезда. Иногда он встаёт и на негнущихся ногах, покачиваясь, бродит по тротуару возле дома. Туда-сюда. Со спины он похож на мальчишку с короткими седыми вихрами. Одежда на нём давно отошедшего фасона: приталенный на армейский манер пиджак и расклешённые от икр брюки. Прогуливаясь, он нет-нет да и оглянется, втыкая в пространство неуместно агрессивный взгляд. У старика кроме этого взгляда ничего уж и не осталось.

Вечное возвращение

Вова открыл глаза и видит: осень на улице, по мокрому асфальту стучат каблучки... Какой-то высокий мужчина нагнулся к нему и говорит:

– Папа, тебе плохо?

– Плохо, – ответил Вова и закрыл глаза. Испугался, что осень на улице, что сын незаметно вырос и превратился в незнакомого человека, что годы уже прошли и теперь приближается к нему неизвестно что.

– Готовьтесь к новой жизни, – сказали ему врачи.

– К загробной, что ли? – спросил Вова.

– Нет, имеется в виду перемена образа жизни, то есть обходиться без сигарет, без спиртного, без хрустящих маринованных огурчиков и прочего...

Вова открыл глаза и видит: розовые и серые пятна на стенках желудка; гладкий, как яичко, камушек, закатившийся в левую почку; изящные перламутровые налёты на двенадцатиперстной кишке; стройные силуэты давнишних подруг, спешащих по мокрому утреннему асфальту в холодные казённые помещения...

Вова протянул руку, чтобы потрогать гладкий камушек, а рука – бац! – и отвалилась. Вова вскочил на ноги, а ноги – трах! – и рассыпались, как сухая глина. Вова дёрнулся, хотел крикнуть, но губы уже зашиты суровыми нитками, и мрачный египетский косметолог накладывает на лицо погребальные краски. Испугался Вова и закрыл глаза. Потом снова открыл и видит: на улице осень, по мокрому асфальту стучат каблучки... Всё то же самое.

Поэзия

«Для чего-то же случилось то, что было...»

Игорь Заморский

Вечер синий, с талией осиной,
отгремевший грозовым дождём, –
в нём бреду я беззаботной псиной,
сочиняя вирши ни о чём.
Кто прочтёт? кому всё это надо?
Думал, жил – пустая трата лет.
Синий вечер – вот одна отрада,
а иной и не было и нет.
В этой сини – все мы одиноки,
все – рабы своих привычек и примет;
каждому в дождях – свои дороги,
свой восторг и исчисление бед.

Не дано нам стать душой единой:
этот – юн,
тот – докатился до седин...
Только вечер с талией осиной,
синий вечер – он на всех один.

В полупрозрачный
то ли август, то ли май
украдкой вливает край
намыленного облаками солнца, –
уместный, как улыбка мертвеца, –
касается концом луча лица.

Недремлющий бредет
тотчас же вырывает вас
из счастья забытья –
влезает внутрь слежавшихся ушей,

путём насилия, взашей
и чуть ли не битья
он возвращает вас
в текущие помимо вас события,
которым быть совсем необязательно;
и вы, рискуя вляпаться,
спросонья, невнимательно
спрашиваете пределы бытия,
вливаясь в его толпу,
которая своим движением
весьма напоминает стадо,
ворчите с раздражением:
«На кой мне чёрт всё это надо?»

Не утешитель по натуре я,
но специально для любителей пожить
могу предположить:
существование
придумала какая-то каналья;
и в целом жизнь – твоя или моя –
особо чувствуй это по утрам –
нужна кому угодно, но не нам.

Существованию сознание претит,
покуда пробудившийся инстинкт
не нагуляет аппетит.

Слёзный звездопад
стрелял по крышам
деревеньки, пахнувшей травой.
С высоты взирал на нас Всевышний
и качал смущённо головой.
Небо полыхало, на земле же –
темень, что не видно губ твоих.
Был пугающе велик и нежен
близкий лик галактики для нас двоих.
Дух пространства в спину слабо веял,
и, оглохши в термоядерной тиши,
пили вечность, млея и зверея,
пили, как лекарство для души.

Где-то голосили глупо танцы,
и, не чуя тверди под ногой,
мы неслись, как звёздные посланцы,
на костра мерцанье над рекой.
Ночь дышала дымом и привольем,
и кружилась, голову задрвав,
и втекала в тело сладкой болью
сломленных любовью горьких трав.

Откружится, звёзды отлетают,
«Бег во тьме» обрящет смысл иной.
И за то, о чём тогда болтали,
кто-то поплатится головой.

Для чего-то же случилось то,
что было,
что не повторится никогда.

То ль режим не тот,
то ль кровь остыла?

Да, конечно,
всё когда-то и зачем-то было.
Но порой уже не верится, что – да.

Запах тлена, вид распада,
разрушенья ненароком,
и не теплится лампада
перед образом пророка.

Среди зарослей и тропок
мутно, холодно и жутко.
Вместо веских публикаций –
чёрный юмор, шутка.

В отдаление от власти,
грязных денег, визга моды
позребён адепт свободы
бородатой масти.

Ночной гость

Когда в серебряные дебри
палисадников
ночами ветер мечет темноту извне,
я вижу под лунной
таинственного всадника,
сквозь явь летящего на бешеном коне.

И не понять: то ли отец он,
то ли дальний предок мне?
в какой ещё
проигранной безумствует войне?
и шашкою кого бессмысленно разит?

Вот лунный ветер образ исказит –
и пропадает призрак
в налетающей ночной грозе,
издалека приветствует
оставшего меня
и бьёт нагайкою давно погибшего коня
на пройденной и сгнувшейся стезе.

Всё дымит ещё Русь, балаганит.
По просторам дубрав и дворов –
чьей там песни положится пламя,
слышен чьих перестук топоров,
пляски буйство и драки гуденье?
Бес похмельный в обносках царя
вновь кланётся в любви и раденье,
крест лобзает и, зло сотворя,
храмы строит себе в оправданье...

Дай Бог силы да горстку сознания,
чтоб Россия случилась не зря.

Лирической строкой

Мария Лебедева

Сон

Детского топота
Гулкого шёпота
Шелест и шум –
От земли до земли.
Может быть, так
Залетает растоптанный
Осенью красный
Хрустящий лист

В форточку настезь.
Тревожной булавкою –
В сонное сердце,
Дождём ледяным –
Может быть, так
Забываются краткие –
Самые важные –
Вещи сны.

Тёмный туман...
Будто кем-то растоптаны
Линии лиц,
Будто боюсь

«Если вдруг мы разминёмся с тобой...»

Видеть тонкие контуры
Точных границ

Линий и граней.
Живу в странном ступоре –
Кто-то ушёл.
Шёпот сквозь сон:
«Что ты, милая, глупая,
Тише. Всё хорошо».

Шахматное

Сотни бедствий, бегствий,
следствий и последствий
Под щемящий шум
смешной молвы.
Будто в детстве –
в шахматном наследстве
Снова – не сносить
мне головы.

Как считалку –
в сотый раз озвучу,
Что на клетках – можно,
что – нельзя,
Попалам разломают
детской ручкой
Офицера, пешку ли,
ферзя?

Тихий-тихий хруст
и запах зыбкий
Дерева – и сквозь
застывший лак
Младше детства –
хрупкая улыбка
И на пальцах –
свежая смола.

Город

Стрекозиные глаза
фонарей –
Этот город –
в незнакомых краях,
Этот город –
с сотней тысяч дверей,
Где для каждого
открыта – своя.

Этот город
с белизной старых стен,
В тихой бухте –
голос дальних морей –
В каждом парусе.
С травой до колен,
С тонким кружевном
рыбацких сетей

В каждом дворике.
Зелёный – до пят,
Босоногий,
как мальчишка в пять лет.
Этот город –
без железных оград,
Без стеклянных глаз
и каменных бед.

Просто башни –
без старинных часов,
Просто люди –
без старинных обид,
Просто дни –
без календарных оков,
Просто звёзды –
без планетных орбит.

Просто крылья
рыжих крыш – к синеве,
Трели веток –
в ноты летних ветров,
Только тихий
звон ромашек в траве,
Только блики
прошлогодних костров.

Этот город рядом –
знает любой,
Кто ещё не научился
летать.
Если вдруг мы разминёмся
с тобой –
Не дай Бог! –
Прошу, найди меня там.

У ангелов очень
усталые руки
с синеющей венкой
на тонком запястье.
В глазах – постоянные
льдинки разлуки
отчасти – от скорой
дороги, отчасти –
от долгого времени.
Тонкие крылья
им так не подходят.
Родней и привычней
ветровка в дорожной
полюни и пыли,
как красный флажок.
Их старинный обычай –
быть там, где гроза,

там, где буря, где ветер,
быть там, где нужны,
где отчаянно больно.
Все ангелы – добрые,
добрые дети,
и, может быть, этим
невольно, невольно
открылись беде.
Древнейшая школа –
Беззонтичный дождь
на пустынной дороге.
У ангелов – вечно
простуженный голос,
пусть бархатно-грубый,
но с ноткой тревоги.
И в этом ноябрьском
паническом беге
мы страхи и беды
им создали сами.
У ангелов тихие,
тихие веки,
и хочется, чтобы
весь шумный мир замер
в их снах о таинственном,
ласковом юге...
У ангелов очень
усталые руки.

Которую ночь уже снится
Всё тот же сон:
Холодные взрывы дождя
В придорожной пыли.
Гроза надвигается.
Только моё и твоё лицо
Мелькает

и гаснет в стекле
Пролетающих
автомобилей.

А утро включает
Немыслимый калейдоскоп:
Изломы проспекта, машины
И стёкла оконные,
И лица людей:
чей-то взгляд,
Чей-то жест, чей-то лоб...
Какое ты стёклышко –
Синее или зелёное?

А может быть, розовое?..
Словно в вихре листвы,
Теряю тебя в чьих-то лицах,
И тоже теряюсь.
Вращается зеркало. Чаще
Срываюсь на «Вы» –
Прости.
Или, может, так лучше?
У самого края

Сознания – глаза закрываю
И вижу тот сон:
Холодные капли дождя
В придорожной пыли.
Усталость, спокойствие.
Только моё и твоё лицо
Мелькает
и гаснет в стекле
Пролетающих
автомобилей.

